

Элизабет Дэй

ВСЕ СЛОЖНО

7000 ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ
ОТЗЫВОВ
НА GOODREADS.COM

БЕСТСЕЛЕР
AMAZON
ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Элизабет Дэй — автор и ведущая одного из самых популярных англоязычных подкастов «How to Fail», в котором знаменитости рассказывают о своих провалах в личной и профессиональной жизни.

Элизабет Дэй
Все сложно. Почему мы
терпим неудачи и какие уроки
можем из этого извлечь
Серия «Мегалополис на грани
нервного срыва. Книги, которые
помогут понять наше общество»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64208027

*Все сложно: почему мы терпим неудачи и какие уроки можем из этого
извлечь:*

ISBN 978-5-04-110488-7

Аннотация

Сегодня Элизабет Дэй – одна из самых востребованных журналисток Великобритании и США, сотрудничающая с такими крупными изданиями, как The Times, The Telegraph, The Guardian, The Observer, Vogue и пр. Но далеко не все в жизни Элизабет было гладко. В школе она была изгоем, провалила важные экзамены, в двадцать ее преследовали неудачи на любовном фронте, а в тридцать ей пришлось распрощаться с мечтой о детях и семье. У нее за плечами неоднократные смены работ, партнеров и мест жительства,

неприятие себя и своей внешности, периоды депрессии. В этой книге Элизабет делится откровенными моментами из личной жизни и отрывками интервью с известными актерами, политиками и бизнесменами. Их истории показывают, как кризисы и неудачи могут преподнести важные уроки и стать толчком к развитию и успеху.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Предисловие	6
Как облажаться в попытках вписаться	27
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Элизабет Дэй
Все сложно: почему
мы терпим неудачи и
какие уроки можем
ИЗ ЭТОГО ИЗВЛЕЧЬ

*«Неудача – это приправа, которая придает
успеху аромат».*

Трумен Капоте

© Ивкина Н.М., перевод на русский язык, 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Предисловие

Одно из моих самых ранних воспоминаний связано с провалом.

Мне три года, и моя сестра болеет. У нее ветрянка; она лежит в своей спальне – горячая, плачущая, сжимающая одеяло своими тоненькими пальцами, пока моя мама пытается успокоить ее, положив ладонь на ее лоб. У моей матери всегда холодные руки – очень приятно чувствовать их прикосновение, когда ты больна.

Я не привыкла видеть сестру в таком состоянии. Между нами четыре года разницы в возрасте, и для меня она всегда была олицетворением истинной мудрости. Я в равной степени люблю и боготворю ее – человека, который присматривает за мной и позволяет кататься на своей спине, пока она изображает лошадь, ползая на четвереньках. Человека, который еще до моего рождения категорично заявил родителям, что хочет сестру, и попросил уже наконец заняться этим вопросом. Когда она рисует что-то или строит замок из Lego, у нее всегда получается лучше, чем у меня, а я начинаю злиться из-за такой несправедливости – я слишком отчаянно хочу, чтобы у нас все было одинаково. Мама объясняет, что я младше и что мне нужна еще пара лет, чтобы догнать сестру. Но я слишком нетерпеливая и не хочу ждать. Больше всего на свете мне хочется быть такой же, как моя сестра.

Сейчас, глядя на ее влажные щеки и бледное лицо, я грущу и капризничаю. Мне не нравится видеть ее в состоянии дискомфорта. Мама спрашивает сестру, не нужно ли ей чего-нибудь; она просит грелку, и я осознаю, что могу помочь. Я знаю, где мама хранит грелки, и топаю к комоду, где беру свою любимую: меховой чехол делает ее похожей на плюшевого медведя с черным носом-кнопочкой. Еще я знаю, что грелка должна – как и следует из названия – греть. Я несу «медведя» в ванную – место, которое у меня ассоциируется с ненавистными вечерами, когда мама моет мне голову, а я до завершения процесса залипаю на трещинку на потолке. Больше, чем мытье головы, я ненавижу только подстригание ногтей на ногах.

Единственный кран, до которого я достаю, – в ванне, а не в раковине. Опираясь на эмалированный бортик, я тянусь к крану, чтобы подставить грелку и повернуть рычажок с красным кружочком. Не с голубым: я уже знаю, что голубой – это холодная вода. Но вот чего я не знаю, так это того, что нужно немного подождать, пока из «горячего» крана реально потечет горячая вода. В моем понимании она автоматически нагревается до нужной температуры, сама по себе.

Я пытаюсь закрутить крышку на «медведе», но в моих неуклюжих пальцах недостаточно сил, чтобы закрыть грелку до упора. Но это не страшно, думаю я; главное – принести ее моей страдалице как можно скорее, чтобы она почувствовала себя лучше, перестала плакать и снова стала спокойной,

невозмутимой и мудрой старшей сестрой.

Вернувшись в спальню, я передаю грелку сестре, и она успокаивается, едва взглянув на нее. Мама выглядит удивленной, а я невероятно горжусь собой: я сделала что-то, чего она не ожидала! Но едва грелка оказывается в руках сестры, крышка слетает, и холодная вода заливает пижаму. Сестра взывает – и этот звук еще хуже, чем тот плач, что я слышала ранее.

– Х-х-холодно, – заикаясь, выдавливает она, в неверии смотря на меня. Мама стягивает простыни и говорит ей, что все будет хорошо. Они обе словно забывают, что я стою там; я чувствую резкий укол стыда где-то в груди, и меня накрывает волной ощущения, что я подвела человека, которого люблю больше всех в мире, пытаюсь при этом помочь. Я не понимаю, что пошло не так, но прикидываю, что вообще грелки оказывают не такой эффект.

Сестра вылечилась от ветрянки (не благодаря мне), а я со временем узнала все о работе чайников и бойлеров, о необходимости ждать несколько секунд, прежде чем аккуратно наполнить грелку через прорезиненное горлышко, и о том, как крепко закручивать крышку, выпустив излишки воздуха. Я также узнала, что какими бы благими ни были намерения, исполнение порой может страдать из-за недостатка опыта. Это одно из самых ярких впечатлений моего детства: очевидно, неудавшееся желание помочь в момент, когда я отчаянно этого хотела, оказало на меня значительное влия-

ние.

Не то чтобы это был какой-то серьезный, выдающийся провал – но они и не должны быть такими. Становясь старше, я испытывала и более серьезные неудачи, от которых было труднее оправиться.

Я проваливалась на экзаменах в школе и в автошколе.

Я не смогла добиться того, чтобы мальчик, который мне очень нравился, ответил взаимностью.

Я не стала «своей» среди одноклассников.

Я не стремилась познать себя двадцатилетнюю, существуя как элемент долгосрочных отношений и отдавая свое чувство собственного «я» на аутсорс партнерам.

Я не смогла понять (в тот же период времени), что постоянное желание понравиться другим никогда не принесет удовольствия от жизни. Что, пытаясь сделать все для окружающих, ты забиваешь на себя. Что ты, таким образом, пытаешься собрать в кучу утекающую сквозь пальцы внутреннюю силу, пытаюсь положительными откликами других, не осознавая, что это не так работает. Это все равно что игнорировать огнедышащего дракона, поджигая фитиль свечи от языков его пламени.

Мой брак развалился, и к тридцати шести годам я была в разводе.

Мне не удалось завести детей, которых, как мне всегда казалось, я так хотела.

Я так и не начала играть в теннис хоть с какой-то толикой

уверенности.

Я отчаянно игнорировала всеобъемлющие, сложные чувства вроде гнева и горечи, предпочитая маскировать их чем-то более терпимым – например, грустью.

Я слишком много переживала по поводу не имеющих принципиальной важности или находящихся вне моей зоны ответственности вещей.

Я не подавала голос, когда мной пользовались в профессиональных и личных отношениях.

Я не смогла полюбить свое тело. И все еще испытываю с этим проблемы. Это нескончаемый труд – но, по крайней мере, сегодня я люблю свое тело больше, чем ранее, и благодарна за возможность жить в этом волшебном, исправно функционирующем творении.

Принятие себя – это, по моему убеждению, акт мирной революции, но годами я умудрялась облажаться и здесь.

По пути я любила и теряла. Мое сердце разбивалось на множество осколков. Я меняла работу. Переезжала в другие дома и другие страны. Заводила новых друзей и разрывала контакты с прежними. Переживала полный упадок сил и справлялась с расставаниями.

Я становилась старше и начала лучше понимать себя. Я наконец осознала, как важно тратить деньги на чемоданы с колесиками и теплые зимние куртки. Я пишу эти строки на пороге сорокалетия – это больше, чем было моей матери времен того воспоминания о грелке и сестринской привязанно-

сти. И если я вынесла хоть один урок из этой шокирующе восхитительной авантюры под названием «жизнь», то вот он: именно провалы научили меня всему, чего я бы не познала в противном случае. Я больше развивалась как личность в результате неудачных событий, чем в тех случаях, когда все шло идеально. Выход из кризиса дарит какую-то ясность, а иногда и катарсис.

Именно провалы научили меня всему, чего я бы не познала в противном случае. Я больше развивалась как личность в результате неудачных событий, чем в тех случаях, когда все шло идеально.

В октябре 2017 года закончились мои весьма серьезные отношения. Разрыв был неожиданным и до жестокого внезапным. Мне вот-вот должно было исполниться тридцать девять. За два года до этого я развелась. Это не тот возраст, в котором я планировала остаться одинокой, бездетной, с незавидными перспективами на будущее. Мне было необходимо, говоря языком современной селф-хелп культуры, «исцелиться».

Так что я поехала в Лос-Анджелес – город, в который я снова и снова возвращалась, чтобы перезарядиться и начать писать. Это место, где мне дышится легче, потому что я знаю, что на следующий день солнце, скорее всего, снова будет сиять, а восьмичасовая разница во времени автоматически означает меньшее количество писем после двух часов

дня. В то время я писала мемуары за одну политическую активистку, и, хотя я чувствовала себя словно оголенный нерв, целыми днями напролет в моей голове звучал голос сильной женщины, которая точно знает, чего хочет. Это была весьма любопытная дихотомия – ведь после дня за ноутбуком, выразив напористые и красноречивые убеждения этой женщины, мне приходилось вновь становиться мнительной собой. Но это помогло. Постепенно я и сама стала чувствовать себя сильнее.

Именно в Лос-Анджелесе мне пришла в голову идея записать подкаст *How To Fail With Elizabeth Day* – «Как облажаться». Я загружала большое количество подкастов, потому что после расставания от прослушивания музыки мне становилось грустно, но тишина заставляла меня чувствовать себя одиноко. Одним из подкастов, на который я подписалась, стал *Where Should We Begin?*, который вела известный психотерапевт Эстер Перель: в нем пары анонимно обсуждали проблемы, с которыми сталкивались в своих отношениях. Перель и подталкивала их к дискуссии, и уговаривала, и деликатно делилась своими наблюдениями – а я была поражена тем, что ее клиенты раскрывали самую уязвимую, самую интимную сторону своей личности. В то же время я много разговаривала со своими друзьями о разочаровании и потерях и набиралась мудрости из их личных запасов.

Я начала задумываться над проведением серии интервью, посвященной людским неудачам и тому, чему можно на-

учиться на своих ошибках. Подвергнув изучению собственную жизнь, я осознала, что выводы, которые я извлекла из самых провальных эпизодов своей жизни, оказались несказанно значительнее тех, что проявлялись после более успешных моментов. Что, если и другие люди чувствуют то же самое, но не говорят об этом открыто, боясь унижения? Что, если эта беседа должна состояться, чтобы мы чувствовали себя более целостными и менее оторванными от жизни, когда все идет вразрез с нашими планами?

Мы живем в эпоху тщательно выверенной идеальности. В Instagram ежедневные посты ретушируются и обрамляются в рамку, чтобы зритель воспринял их так, как нужно нам. Нас сбивает с ног непрекращающийся поток знаменитостей, хвастающихся своим роскошным телом в бикини, доморощенных гуру, помогающих выбрать правильное киноа, политиков, выставляющих напоказ все то хорошее, чего они добились в своих избирательных округах. И это обескураживает. В этом мире счастливых, улыбающихся людей, засыпанном смеющимися эмоджи и гифками с водопадами сердечек, едва остается место для вдумчивой рефлексии.

Все меняется: сегодня в соцсетях уже проще найти тех заслуживающих уважения людей, которые стремятся открыто говорить о любых трудностях – от вопросов внешности до ментального здоровья. Но иногда это выглядит так же вымученно, как и все остальное. Слово честность – это всего лишь очередной хэштег.

А еще есть «личное мнение». Бесконечное, неуместное мнение, которое генерируется одним нажатием кнопки «твитнуть». Как бывший журналист Guardian Media Group, компании, которая одной из первых ввела секцию онлайн-комментариев и не спрятала ее за пейволом¹, я могу лично свидетельствовать о количестве агрессивной желчи, которая ежедневно выливается в интернете. В чем только меня не обвиняли за восемь лет работы в *Observer*: у меня песок в вагине, я не понимаю разницу между мизогинией и мизандрией², и вообще я стала автором лишь благодаря тому, что я женщина или что у меня имеются некие тайные, протекционистские отношения с сильными мира сего (это не так). Если что-то в статье оказывалось хоть сколько-нибудь ошибочным (потому что я тоже человек, и в условиях приближающегося дедлайна в текст могла прокрасться ошибка, не замеченная корректорами), на меня выливался поток немедленного общественного порицания. Разумеется, я должна была проверять каждый факт, как и любой журналист. Но реакция казалась слегка несоразмерной в сравнении с происшествием.

В таких условиях трудно пробовать что-то новое или рисковать из страха оказаться подвергнутым немедленному

¹ Система платной подписки на издание. – Прим. пер.

² Термины «мизогиния» и «мизандрия» означают неприязнь или негативное предвзятое отношение по отношению к женщинам и к мужчинам соответственно. – Прим. пер.

публичному осуждению. Мой хороший приятель Джим в 60-х был адвокатом по гражданскому праву; он брался за дела, которые не надеялся выиграть, потому что с моральной точки зрения так было правильно. И недавно его весьма обескуражил тот факт, что едва открывшие свою практику юристы, которых он курировал, слишком боятся делать то же самое – защищать в суде дело без гарантии на победу.

– А я им говорю: «Господи, да хотя бы попробуйте! Чтобы разобраться, как поступать правильно, нужно хоть раз облажаться», – сказал мне Джим как-то за ужином. – Какая разница, что думают люди? Когда ты окажешься на необитаемом острове, сам по себе, и будешь пытаться выжить, разве тебя будет волновать чужое мнение? Черта с два! Ты будешь слишком занят, пытаясь развести огонь с помощью увеличительного стекла и привлечь внимание проплывающего корабля, чтобы не сдохнуть.

Но студенты Джима выросли в эпоху, когда провал воспринимается как конец всего, а не как обязательный перевалочный пункт на пути к успеху. В культуре, где от каждого из нас ждут безоговорочных взлетов и предоставления нескольких площадок для критики. Как раз в тот момент, когда успех стал всепоглощающим чаянием, стыд достиг статуса патологического состояния общества. Неудивительно, что эти студенты заранее чувствуют себя побежденными. Неудивительно, что мы воздерживаемся от признания своих ошибок или поворотов «не туда».

Однако чем больше я размышляла над этим, тем больше хотела отдать дань уважения всем тем провалам, которые сделали меня мной. Хотя проживание негативных ситуаций – не самый приятный опыт, я благодарна им, потому что в ретроспективе я осознаю, что принимала иные, верные решения как раз благодаря этому. Я осознаю, что стала сильнее.

Сегодня в соцсетях уже проще найти тех заслуживающих уважения людей, которые стремятся открыто говорить о любых трудностях – от вопросов внешности до ментального здоровья. Но иногда это выглядит вымученно, словно честность – это всего лишь очередной хэштег.

Так и зародился подкаст *How To Fail With Elizabeth Day*, где я спрашивала «успешных» людей о том, какие уроки они извлекли из своих неудач. Суть проста: я предлагала каждому из собеседников рассказать о трех ситуациях, в которых, по их мнению, они потерпели фиаско. Можно было вспомнить о чем угодно – от неудачных свиданий и заваленных тестов на вождение до сокращений на работе и разводов. Вся прелесть концепта заключалась в том, что интервьюируемый сам решал, о чем пойдет речь, и в теории это вело к тому, что он охотнее раскрывался, был менее зажатым. Я также понимала, что уже сам выбор гостя многое расскажет о нем.

Имея семнадцатилетний опыт проведения интервью со

знаменитостями для газет и журналов, я чувствовала восхитительный трепет свободы от осознания того, что мне не придется подгонять детали встречи под требования определенного редактора, которому нужен определенный ракурс. Я планировала вести живую запись от сорока пяти минут до часа и позволять интервью быть самодостаточным – быть честной беседой о вещах, которые редко упоминаются в публичном пространстве.

Первый эпизод подкаста привлек тысячи слушателей. Второй моментально катапультировался на третью строчку в iTunes, обогнав *My Dad Wrote a Porno*, *Serial* и *Desert Island Discs*. После выхода восьми эпизодов число скачиваний достигло 200 тысяч, а я подписала контракт на книгу. Каждый день я получала десятки сообщений от потрясающих людей, переживавших на тот момент неудачный период, и все они писали, как мой подкаст им помог.

Женщина, которая в пятнадцать лет узнала, что никогда не сможет иметь детей.

Сотрудник рекламного агентства, лишившийся работы из-за хронической усталости.

Человек, у которого я однажды брала интервью для газеты и который снова вышел со мной на связь. Все для того, чтобы сказать, что его мать, лежащая в палате интенсивной терапии после трансплантации костного мозга и девяти дней химии, едва способная дышать и говорить, слушала мой подкаст, потому что он ее успокаивал. «Все и правда становится

лучше», – написал он. Я читала его сообщение, пока жарилась тост, и разрыдалась. Тост сгорел.

Преподаватель в университете, который написал, что подкаст впервые заставил его задуматься о проблеме женского бесплодия, и отметил, что теперь он лучше понимает свою жену и дочерей.

Студентка двадцати с чем-то лет, которая спросила, не требуется ли мне какая-либо помощь от нее, поскольку она видела в моей идее огромный потенциал.

Люди, которые писали мне, что чувствуют себя менее одинокими, менее пристыженными, менее грустными, менее избалованными.

Люди, которые писали мне, что чувствуют себя более сильными, более позитивными, более понятыми.

Люди, которые писали мне, что в прошлом у них появлялись мысли о суициде; которые доверяли мне истории о случившихся депрессивных эпизодах; которые рассказывали о своих жизнях с искренностью, быть достойной которой было истинной честью для меня.

Все эти люди слушали. Все эти люди чувствовали себя причастными к идее, которую так элегантно выразил Артур Рассел в припеве песни «*Love Comes Back*»: «грустить – не преступление». К идее, что из провала порой можно вынести более значимый урок, чем из беспроblemного успеха.

Это захлестнуло меня эмоциями. Я была тронута и также весьма удивлена таким откликом. Я всегда верила в то, что

честность в вопросах уязвимости лежит в основе настоящей силы, но эта идея вызвала такой резонанс, какого я никогда себе и представить не могла.

Подкаст, без всяких сомнений, стал единственной успешной составляющей моей жизни. Да, я тоже осознаю всю ироничность ситуации. Как и другие люди. Один из моих друзей начал предварять каждое письмо и сообщение для меня фразой «Известной ходячей катастрофе, Элизабет Дэй». Некоторые комментаторы, однако, посчитали, что беседы с чередой знаменитостей, оплакивающих проигранные крикетные матчи (Себастьян Фолкс) и нелепые однодневные интрижки (Фиби Уоллер-Бридж), оказались запредельной формой прибеднения.

Их аргументация строилась на следующем: если человек в конечном итоге стал успешным, он априори не мог быть жертвой настоящего, всепоглощающего провала. Почему я не звала на запись подкаста людей, которых неудачи буквально держат за глотку? Или почему я не могла просто позволить каждому лажать по-своему, не заставляя людей чувствовать себя отвратительно по поводу того, что они терпят фиаско недостаточно хорошо? Разве проигрыш – это не что-то, с чем просто примиряешься и справляешься, а не обсуждаешь?

Что я могу на это ответить? Не то чтобы я активно пропагандировала неудачи. Просто в какой-то момент все мы неизбежно столкнемся с ними, и вместо того, чтобы воспри-

нимать их как невероятную катастрофу, от которой невозможно оправиться, возможно, стоит качать мышцы своей эмоциональной стабильности и учиться у других. В таком случае, когда в следующий раз что-то снова пойдет не так, мы будем лучше подготовлены и сможем справиться с последствиями. Когда слушаешь, как известный человек – кто-то, кто, с нашей точки зрения, добился всего – открыто вещает о своих неудачах, это сближает, не наоборот. Особенно когда эти люди говорят о депрессии, или неудачных поворотах карьеры, или разрушенных отношениях. Потому что многие из нас рано или поздно пройдут через то же самое и будут переживать, что эти события окажутся определяющими.

Я также не говорю, что все неудачи можно легко пережить. Есть вещи, от которых нельзя оправиться, не то что обсудить их с кем-то. Существует огромное количество областей, в которых я абсолютный ноль. Взявшись за эту книгу, я четко понимаю, что я не эксперт и не могу предложить читателю ничего, кроме своего собственного жизненного опыта. Я привилегированная белая женщина из среднего класса, живущая в мире, обезображенном проявлениями расизма, неравенства и нищеты. Я не знаю, каково это: ежедневно сталкиваться с микровспышками агрессии, получать плевки в лицо на улице или быть ограниченной в карьерном росте из-за цвета моей кожи. Я понятия не имею, что значит существовать на прожиточный минимум, быть беженцем или ин-

валидом, иметь серьезные проблемы со здоровьем или жить при диктатуре с отсутствием свободы слова. Я не родитель, не мужчина, не домовладелец, и я не могу с уверенностью рассуждать на эти темы. С моей стороны попытка сделать это была бы высокомерной и оскорбительной. По этой причине все последующие главы основаны на личных соображениях – со всем уважением к моим интерсекциональным братьям и сестрам. Все, что вы прочитаете далее, – лишь один из ракурсов провальности. Возможно, что-то из этого покажется вам знакомым. Возможно, и у вас есть своя история. Возможно, мне когда-нибудь доведется ее услышать.

Я многому научилась, работая над подкастом и над этой книгой. Один из наиболее интересных фактов, подмеченных мной во время поиска потенциальных гостей, – это то, насколько по-разному мужчины и женщины воспринимают неудачи. Все дамы моментально разгадывали концепт, и все они уверяли меня, что у них такой богатый выбор историй, что они не понимают, как свести их до необходимых трех.

Когда слушаешь, как известный человек – кто-то, кто, с нашей точки зрения, добился всего – открыто вещает о своих неудачах, это сближает, не наоборот. Потому что многие из нас рано или поздно пройдут через то же самое и будут переживать, что эти события окажутся определяющими.

«Да, мне отлично удаются неудачи. Думаю, потому что

я часто рискую и заставляю себя пробовать что-то новое, – сказала активистка Джина Миллер. – Это, с одной стороны, повышает шанс на фиаско, а с другой – это способ по-настоящему проживать жизнь... Все мы в какой-то момент столкнемся с неудачами, и, по-моему, надо просто с этим смириться. Это неизбежно случится, так что лучше уж иметь какую-то стратегию на этот случай. Когда знаешь, что у тебя заготовлен план действий, можно идти по жизни и рисковать по-настоящему».

Большинство мужчин (но ни в коем случае не все) отвечали, что не уверены, *сталкивались ли* они с неудачами, и что они, вероятно, не лучшая кандидатура для этого конкретно-го подкаста.

За этим утверждением стоит наука: было доказано, что миндалевидное тело в головном мозге, «центр страха», который помогает обрабатывать эмоционально окрашенные воспоминания и реагировать в стрессовых ситуациях, легче активируется у женщин, чем у мужчин, в ответ на негативный раздражитель. В результате было выдвинуто предположение, что женщины чаще мужчин формируют устойчивые, эмоциональные воспоминания о негативных событиях и обдумывают «повороты не туда» из прошлого. Передняя поясная кора – отдел мозга, который помогает нам распознавать ошибки и взвешивать мнение, – у женщин также больше.

Косвенным воздействием этого, согласно книге Кэтти Кей

и Клэр Шипман «Сама уверенность»³, стало то, что женщины раз за разом становятся жертвами собственной же неуверенности в себе: «По сравнению с мужчинами, женщины не считают себя достойными продвижения по службе, полагают, что хуже справятся с экзаменами, и в целом недооценивают свои способности».

Если бы женщины обладали большей уверенностью и позволяли себе ошибаться, подозреваю, ситуация бы изменилась. У меня самой произошел разрыв шаблона, когда Себастьян Фолкс заявил, что неудача – это вопрос восприятия. До записи нашего подкаста он прислал мне на электронную почту ироничное письмо, в котором среди его провалов были перечислены следующие:

«...случай, когда мы с моим приятелем Саймоном проиграли в финале парного турнира⁴ 40+ и были вынуждены довольствоваться поощрительным призом.

Что же касается крикета, то в одном из матчей я как-то набрал 98 очков, а потом нелепейшим образом все слил.

Одна из моих книг попала в шорт-лист «Bancarella», важной литературной премии в Италии, но не выиграла (награда ушла родственнику председателя жюри).

И, разумеется, нельзя не упомянуть тот досадный случай, когда мое знаменитое суфле *à la nage d'homard* поднялось до

³ На русском языке книга вышла в издательстве «Альпина Паблишер» в 2015 году. – Прим. пер.

⁴ Вероятно, речь идет о теннисе. – Прим. пер.

нелепых 288 мм вместо желаемых 290».

Разумеется, это была шутка, и во время интервью для подкаста он с чувством рассказал о пережитых эпизодах депрессии и школьных годах, когда он ощущал себя белой вороной. Однако мысль, которую он пытался донести, была весьма серьезной: провал – не более чем ракурс, с которого мы рассматриваем случившееся. Например, комментируя ту историю с итальянской премией, он сказал: «Неудача ли это? Я бы так не считал. Мне казалось, что это скорее успех: ты едешь в Милан, чтобы тебя восхваляли не в твоей родной стране за книгу, которая абсолютно не связана с Италией».

Работая над подкастом, я поняла, насколько по-разному женщины и мужчины воспринимают свои неудачи. Женщинам кажется, что из всего богатства их историй сложно выбрать лишь три. Мужчины вообще не уверены, что они сталкивались с провалами.

Точка зрения писателя Джеймса Фрея оказалась аналогичной: его уличили в фабрикации деталей при написании дебютной книги «Миллион мелких осколков»⁵. Книга, которую продвигали как автобиографические мемуары, не пострадала от этого инцидента и стала мировым бестселлером.

«Я не воспринимаю то, что большинство людей может расценить как неудачу, неудачей. Это естественный процесс,

⁵ На русском языке книга вышла в издательстве «Эксмо» в 2019 году. – Прим. пер.

разве нет? – сказал он. – И ты либо можешь справиться с ним, либо нет. Если нет, иди к черту. Но нет такого, что я смотрю на все те книги, которые пытался написать до “Миллиона мелких осколков”, которые забрасывал, которые были не столь хороши, и считаю их провалом. Я воспринимаю их как часть процесса».

По настоящий момент, сказал Фрей, его мантрой является следующая фраза: «Лажай быстро. Лажай часто». Та же мантра имеет большой вес в капиталистическом мире (в котором доминируют мужчины), где нужно идти на риск, чтобы думать иначе. В этой сфере неудачи не просто принимаются, они восхваляются. Некоторые венчурные капиталисты и не подумают расстаться с деньгами, пока не появится предприниматель, чей стартап хотя бы раз рухнул. Идея такова: человек извлек урок из своей неудачи, исправил все ошибки, соответственно, такая инвестиция будет более разумным шагом. Томас Эдисон, в конце концов, создал тысячи прототипов лампочки, прежде чем довел свое творение до идеала. Первая компания Билла Гейтса была не слишком успешной. За всю свою карьеру в Главной лиге бейсбола Бейб Рут установил рекорд по отбиванию (1330 раз) и по хоум-ранам (714).

Когда его спрашивали о технике владения битой, Бейб Рут отвечал: «Я замахиwaюсь так широко, насколько это возможно... замахиwaюсь мощно. И либо я мощно бью, либо мощно промахиwaюсь. Мне нравится жить настолько мощно, на-

сколько это возможно».

Вот что, по сути, говорит Бейб Рут: чтобы значительно преуспеть, нужно быть готовым к столь же значительному провалу. Часто первое зависит от второго, поэтому неудачи – неотъемлемая часть успеха, не только в бейсболе, но и в жизни.

Что значит «облажаться»? Я думаю, это значит, что мы проживаем жизнь на полную катушку. Мы словно ощущаем ее в нескольких измерениях сразу, а не просто довольствуемся плоскостью единственной свободной от ошибок эмоции.

Мы живем в ярком, а не черно-белом мире.

Мы постоянно учимся.

И благодаря всем тем вызовам, которые нам встречаются, я не могу перестать думать: это и впрямь невероятный путь.

Как облажаться в попытках вписаться

Когда мне было четыре, мы с семьей переехали в Северную Ирландию. Это был 1982 год – разгар Смуты⁶. В торговых центрах и отельных лобби буднично взрывались бомбы. Мою мать, забирающую детей из школы, останавливали на блокпостах солдаты в форме и с автоматами наперевес. По ночам в теленовостях голос лидера партии «Шинн Фейн» Джерри Адамса переозвучивался – что всегда казалось мне странным, даже когда я была ребенком.

Когда я все-таки слышала, как звучит его голос, несколько лет спустя, я даже слегка разочаровалась. В моем воображении это должно было быть что-то вроде менее дружелюбной версии Дарта Вейдера. Фактически же он был похож на учителя географии, который никак не может справиться с главными задирами класса, сидящими на камчатке.

Я же, в свою очередь, говорила с чистым, безупречным британским акцентом и выделялась с первого учебного дня. Я родилась в Эпсоме, в относительной безопасности провинциального Суррея. Каждый год недалеко от нашего дома

⁶ Этнополитический конфликт между британским правительством и местными национальными организациями Северной Ирландии, ключевым вопросом которого являлся статус региона. – *Прим. пер.*

проходило Дерби, и моя мать устраивала пикник, на который приглашалось огромное количество друзей семьи. Однажды я стала свидетельницей того, как легендарный жокей Лестер Пигготт упал со своей лошади и как его унесли на носилках; его лицо было бледным как полотно. Меня шокировало то, каким маленьким он был – хотя и я в то время была крохой.

В Ирландии не было ни пикников, ни друзей семьи. Для каждого из нас это был опыт социальной изоляции, особенно для мамы, которая не имела работы, где у нее была бы возможность заводить новые знакомства. Мы переехали из-за отца; он занял должность главного хирурга в больнице Алтнагелвин, Дерри. Там ему часто попадались пациенты с простреленными коленными чашечками.

Я знала о текущем гражданском конфликте и приняла его, как может принять такой факт ребенок. Это просто стало жизненным укладом. Под моей кроватью жили не монстры, а террористы в балаклавах; я привыкла к тому, что во время наших еженедельных походов за продуктами кассирши в супермаркетах с подозрением расспрашивали, не «отдохнуть» ли мы приехали. Тогда я и не подозревала, что на самом деле нас спрашивали, не связаны ли мы как-то с британской армией, но отчетливо помню, как боялась, что нас могут атаковать члены ИРА⁷. На это моя мать разумно отвечала, что

⁷ Ирландская республиканская армия – военизированная группировка, боровшаяся за предоставление Северной Ирландии независимости от Соединенного Королевства. – *Прим. пер.*

отец «лечит людей по обе стороны конфликта». И это правда: он оказывал помощь и лоялистам, и республиканцам. Когда произошел теракт в Оме, он немедленно отправился туда. Вместе с «Врачами без границ» он побывал во множестве зон боевых действий, включая Чечню, Сьерра-Леоне и Афганистан. Когда спустя много лет я спросила его, какой из выездов отразился на нем больше всего, он назвал Ому и детально воспроизвел сцены того кровавого ужаса, свидетелем которого стал.

Но были и абсурдные моменты. Первый год или около того мы с семьей жили неподалеку от деревушки под названием Мафф⁸. Я и не думала задаваться вопросами насчет необычности названия, пока несколькими десятилетиями позже мой друг Кормак не взорвался от хохота от одного упоминания.

– Мафф? – прогоготал он. – Ты с таким же успехом могла бы жить где-нибудь в Вагине.

Деревня была всего в нескольких минутах езды от нашего дома, находящегося на севере Ирландии, однако она располагалась прямо на границе с графством Донегол, которое было частью юга. Мама возила нас в Мафф на занятия по ирландским танцам (все для того, чтобы помочь нам освоиться), и меня невероятно обескураживал тот факт, что буквально через дорогу от нас существовала совершенно другая

⁸ Английское *tuff* в сленговой речи может использоваться для обозначения женских половых органов. – Прим. пер.

страна. Это казалось такой случайностью – и, разумеется, ей оно и было. Я, четырехлетняя девочка, не могла постичь тот факт, что люди убивают друг друга из-за этой самой границы, прочерченной на карте.

Ирландские танцы были не единственным способом, которым моя семья пыталась вписаться. Когда мы переехали от Маффа в глубь страны, ближе к Клоди, мой отец купил ослицу, красно-синюю повозку и четырех овец, разместившихся на пригорке за домом, который мы называли – без понятия, почему – «Форт».

Ослица, Бесси, вскоре произвела на свет осленка, которого мы, продемонстрировав потрясающую изобретательность, окрестили Бесс Младшей. Гораздо лучше нам удавалось придумывать имена овцам, вроде Ламборгини или Ламбада. Каждое лето родители героически предпринимали попытку постричь овец с использованием казавшихся мне гигантскими ножниц. Мы с сестрой выступали в роли пастушьих собак и должны были сдерживать блеющих овец, что удавалось нам с переменным успехом.

Для спаривания у местных фермеров одалживались бараны, которые были удостоены чести оплодотворить наших дам. Один из них скончался прямо во время своей миссии. Мы поставили в известность владельца, а затем отец выкопал яму, чтобы похоронить барана. Тот оказался тяжелым, и единственный способ, которым отцу удалось уложить его, – на спине, с копытами, направленными в небо. Когда яму на-

чали засыпать землей, оказалось, что ее магическим образом не хватает, чтобы покрыть барана целиком, и его ноги так и остались торчать на поверхности. На протяжении месяцев они высывались из травы, как какие-то жуткие тотемные столбы, и я приучилась обходить тот участок стороной.

Гражданский конфликт стал для меня просто жизненным укладом. Под моей кроватью жили не монстры, а террористы в балаклавах.

Периодически ягнята исчезали, и я никогда не задавала вопросов на эту тему. Лишь некоторое время спустя я смекнула, что к чему, и поняла, что каждый раз, когда из Форта пропадает ягненок, морозильная камера пополняется мясом.

– Это... это что... ягненок? – запинаясь, бормотала я за воскресным обедом, глядя на жаркое, которое подавалось с картофелем и банкой мятного соуса.

Спустя какое-то время родители начали присваивать овцам номера, чтобы я меньше привязывалась к ним. Не думаю, что это сработало. Я и по сей день предпочитаю жареную курицу.

Это была доинтернетовская, донетфликсная эпоха, так что, когда мы с сестрой не пасли овец, мы сами придумывали себе развлечения. Моей вариацией отличного времяпрепровождения было спрятаться в зарослях рододендрона, растущего в саду, чтобы почитать о приключениях Нэнси Дрю, или поиграть близ реки Фоган, текущей вдоль нашего дома,

чьё название, произнесенное с североирландским акцентом, звучало как крепкое ругательство. Я обклеила чердак вырезками из журналов, потому что где-то вычитала, что Анна Франк делала то же самое, прячась от нацистов. Я была до странного одержима темой Второй мировой войны. Задумываясь об этом сейчас, я понимаю, что, возможно, это связано с тем, что я жила в стране, реалии которой формировались политическим конфликтом.

Террористические атаки случались по большей части за пределами моего непосредственного мира. Моя начальная школа была отличным местом, где учителя и ученики по большей части принимали меня такой, какой я была. Смута наложила отпечаток на наше сознание. Все было одновременно знакомым и оторванным от реальности. Все, казалось, привыкли. В 70-х, когда бомбы, мины-ловушки и перестрелки стали чуть ли не повседневной реальностью в отдельных провинциях, местные врачи начали выписывать «таблетки от нервов», и уровень употребления транквилизаторов был выше, чем где бы то ни было в Соединенном Королевстве. Как пишет Патрик Радден Киф в своей книге «Ничего не говори»⁹: «Врачи выяснили, что, парадоксально, люди, больше всего склонные к этому типу тревожности, не были действующими участниками столкновений, ощущавшими собственную важность. Это были женщины и дети, заточенные

⁹ *Say Nothing: A True Story of Murder and Memory in Northern Ireland*, by Patrick Radden Keefe. – Прим. пер.

в своих укрытиях за закрытыми дверями».

К моменту нашего приезда эта посттравматическая немота эволюционировала до целой культуры тишины. Слова использовались весьма умеренно и часто несли символическую, историческую значимость. Ближайший к нам город, согласно дорожным указателям, назывался Лондондерри, но назвать его так в разговоре значило сделать политическое заявление и признать себя пробританским. Его надо было называть просто Дерри – или быть готовым к последствиям. Никто не сказал мне об этом напрямую, но я впитала в себя это знание без необходимости воспроизведения вслух.

Иногда тишина ощущалась особенно остро. Когда отца мальчика из моего класса, владельца магазина, расстреляли из автомата за то, что он вел торговлю с британской армией, не помню, чтобы кто-то из нас хоть раз заговорил об этом. Я знала, что мои родители разговаривали друг с другом приглушенно, с серьезными интонациями, и я приучилась вслушиваться в то, что не произносилось, с той же внимательностью, с которой слушала речь. По большей части я просто принимала это и старалась не слишком заикливаться на вещах, которые меня пугали.

Но когда я пошла в среднюю школу в Белфасте, я отчетливее осознала свое отличие. Я училась в школе-интернате, и в один из выходных дней, когда я шла к остановке, чтобы сесть на автобус до дома, мой маршрут столкнул меня лицом к лицу с последствиями взрыва, случившегося накануне ночью.

Я прошла мимо остова взорвавшейся машины, обуглившейся до неузнаваемости. Все до единого окна отеля «Европа» были выбиты. Под моими ногами хрустело стеклянное конфетти.

В то время британский акцент в ряде районов был равнозначен метке ненавистного оккупанта. Я знала об этом и старалась не слишком много болтать, когда знакомилась с кем-то или попадала в неизведанный квартал. Но в школе мне приходилось говорить. В школе я не могла спрятаться.

Я и понятия не имела о своей чужеродности, пока мне не сказали в начале второго года обучения, разбив мой мир вдребезги, что я не нравлюсь мальчику из параллели, «потому что она англичанка». Он даже не был каким-то там суперкрасавцем. Он не нравился мне, потому что был весь какого-то кирпичного цвета и от него всегда смутно пахло сырыми сосисками.

К моменту нашего приезда посттравматическая немота эволюционировала до целой культуры тишины. Слова использовались весьма умеренно и часто несли символическую, историческую значимость. А британский акцент в ряде районов был равнозначен метке ненавистного оккупанта.

И все равно его отвержение ранило меня. Я в одночасье начала видеть себя через призму восприятия других людей: флуоресцентный оранжевый рюкзак, который я носила на

обоих плечах, сложно было отнести к последним модным тенденциям; вельветовые штаны никогда не выглядели круто; мой акцент был настолько заметно чужеродным, что отталкивал мальчиков, пахнущих сосисками; мои волосы были скорее прямыми, чем кудрявыми, как у Шарлин из сериала «Соседи», – и у меня не было щипцов, а мама запрещала делать химию. Если уж быть совсем откровенной, мама меня и стригла, что тоже не сильно помогало.

Ко всему этому добавлялось то, что я перескочила через год, что сделало меня самой младшей в классе – с весьма значительным отрывом. Но хуже всего было то, что я была *англичанкой*.

Я начала замечать, что девочки, которых я считала своими подругами, больше говорили *обо мне*, чем со мной. Они строили планы походов в клубы с поддельными документами, и я в эти планы не входила. Я слышала, как они громко смеются, стоя группкой, а как только я подходила, смех таинственным образом затихал. Но поскольку я слишком привыкла к постоянно меняющемуся напряжению между высказанным и невысказанным, я не искала оправданий. Я просто принимала это как данность. Я привыкла не вписываться.

Эта ситуация достигла своего апогея на той неделе, когда мы делали школьные снимки – эти чудовищно нелепые портреты, где все сидят в блейзерах, с натянутыми улыбками и недоверчивым взглядом подростка.

Моя фотография была классической иллюстрацией. Кри-

вые зубы, уши, торчащие из волос длиной до плеч, которые все еще подстригала моя мама. Я улыбалась в камеру бешеным оскалом, сидя вполоборота, подавшись одним плечом к фотографу, как он и сказал. Рукава блейзера были мне длинноваты и закрывали ладони, потому что моя мать была убеждена не только в том, что мне всегда надо носить короткую стрижку, но и в том, что нет смысла тратить на форму по размеру, когда можно купить вещь на вырост.

Я шла по шумному школьному коридору на двойной урок истории с миссис О'Хейр, когда увидела это. Самая популярная девочка в параллели – назовем ее Шивон – заходилась в приступе смеха. Она рассматривала обрывок бумаги, зажатый в руке, а потом передавала его по кругу своих приспешниц, каждая из которых, в свою очередь, бросала на него взгляд и тоже начинала громко смеяться. Шивон произнесла что-то громким шепотом, прикрыв рот рукой. Снова смешки. Затем она увидела, что я смотрю на нее, и поймала мой взгляд.

– Мы тут просто смотрели на твою фотографию, – приснула она. – Выглядишь... (смешок) очень... (смешок) симпатично.

Затем раздался взрыв хохота. Даже я знала, что выглядела не симпатично. Мои глаза наполнились слезами. *Держись*, сказала я себе, *сделай вид, что тебе плевать*. Но, естественно, мне было не плевать. Мне было совершенно не плевать. В двенадцать лет моя потребность замаскироваться, став сво-

ей, ощущалась как жизненная необходимость. Я не хотела выделяться. Я не настолько была уверена в себе, чтобы рисковать, создавая новую личность; чтобы все для себя расставить по местам, я просто хотела быть одной из них.

Я и понятия не имела о своей чужеродности, пока мне не сказали в начале второго года обучения, разбив мой мир вдребезги, что я не направляюсь мальчику из параллели, «потому что она англичанка».

В этот момент меня и осенило: я была общешкольным посмешищем. Я никогда не вписывалась. Я была странной, страшноватой, плохо одетой англичанкой. Я чувствовала себя ужасно глупо, словно все это время намеренно обманывала свое собственное подсознание. До этого момента я твердила себе, что я такая же, как и все остальные нормальные дети. Нелепо с моей стороны было думать, что ценности, важные для моих родителей и сестры – чувство юмора, твердость мнения, слегка эксцентричная любовь к радиопостановке «Арчеры», – столь же органично впишутся в другую среду. Но подростки не прощают инаковости. К тому же между твердостью мнения и наглостью преждевременного развития весьма тонкая грань, правда ведь? Я наверняка была просто невыносима.

Любопытно, как мозг сам выбирает, на чем ему заиклиться. В то же время произошло множество других вещей, которые были, в своем роде, куда более огорчительными.

Недавно моя мать рассказала мне, как однажды я встала на колени посреди дороги, воздев руки подобно кающейся грешнице, плача и умоляя ее не отправлять меня в школу. Я напрочь забыла об этом, но едва она произнесла это, как обрывки воспоминаний пронеслись в моей голове, и я словно вновь ощутила гравий под своими коленями.

Однако именно реакция Шивон на мое фото преследовала меня. Несмотря на то что это был бы – в любом другом контексте – абсолютно проходной, легкомысленный комментарий, в моих глазах это стало четким доказательством того, что я была недостаточно хороша. Хуже того: я знала истоки своей непохожести на других и стыдилась самой себя – личности, которую, как мне внушили, пока я росла, должны ценить за ее добродетельность. Родители поощряли мой энтузиазм, мою индивидуальность. В школе я довольно поздно поняла, что сильные стороны моего характера воспринимаются как странности, и с того момента мое чувство собственного «я» начало рассыпаться на части.

Я хотела измениться и слиться с остальными, но понятия не имела, как притвориться кем-то еще. На самом деле, даже попытка подобного казалась мне чем-то по-настоящему бесчестным. Я жила в мире, в котором существовало столько версий правды и в котором молчаливые, меняющиеся паузы между ее обрывками хранили опасность, что одновременно с невероятным желанием стать своей во мне росла естественная жажда держаться что есть сил за то единственное, что

точно было мной: мой голос. Меня разрывали противоречия; я была глубоко несчастна.

В школе я начала меньше говорить. Я не поднимала руку на уроках. Я решила, что если все перестанут слышать мою «английскость», то, возможно, они пересмотрят свои взгляды на мою инаковость. Целыми днями я держала все в себе и слонялась по длинным коридорам, горбясь и прижимая папки с распечатками к груди. Я сидела в самом конце кабинета, портя учебники замазкой, борясь со своей любовью к упорному труду, потому что теперь я знала, что это маркирует меня как странную. Я начала списывать на контрольных, тайком пронося клочки бумаги с ответами и пряча их в пенале. Я выполняла лишь необходимый минимум.

Это была крупная школа, и днем мне удавалось весьма эффективно раствориться в потоке сине-серой школьной формы. Ночи проходили в общих спальнях пансиона для девочек; я сняла со стен постеры пушистых бельков (слишком по-детски) и вызывающие рекламные плакаты Calvin Klein (если на них была хоть одна женщина, другие девочки причисляли меня к «геям»). Вместо них я развесила черно-белые фото мужчин-моделей Levi's и разных поп-звезд. На выходные я не могла уехать раньше утра субботы, когда отходил автобус до моего дома. Дорога занимала полтора часа. Когда мама приходила забрать меня с остановки, мои плечи сами собой расправлялись от чувства облегчения: я снова могла быть собой.

Но это была всего одна благостная ночь, поскольку мы должны были вернуться обратно к вечеру воскресенья, чтобы успеть на церковную службу. Мама кормила меня обедом, каждый раз готовя мои любимые блюда, и в моем горле стоял ком, пока я ела, пытаясь не расплакаться. Меня приводила в ужас сама мысль о возвращении в школу, и справлялась я, пытаясь находить утешение в редких урывках чего-то знакомого. Я возила из дома еду. Я читала книги и безмерно ценила возможность раствориться в иной вселенной. Когда я плакала, я делала это украдкой, прячась за закрытой дверью туалетной кабинки. Со временем я даже завела пару друзей – таких же социальных изгоев.

Мои оценки постепенно скатывались. Я плохо сдавала тесты, написав работу по химии на 47 % – этот жгучий стыд все еще преследует меня, несколько десятилетий спустя. Во мне развились две отдельные личности: домашняя и школьная, и я шла на многое, чтобы они никогда не пересекались. Я никогда не приглашала к себе никого на выходные. Я не рассказывала своим родителям многое из того, что происходило тогда, потому что не была до конца уверена в том, что сама все осознавала полностью. Я просто знала, что несчастна.

Все это запустило механизм психологической адаптации, который перешел со мной и во взрослую жизнь и обеспечил немало сердечных терзаний. Внутри себя я была дезориентирована: я могла дистанцироваться от боли и грусти, отодвинуть эти чувства в сторону подобно тому, как вымытые та-

релки откладывают на сушку, и параллельно с этим продолжала существовать и относительно эффективно функционировать. Но подобное отречение от собственных ран привело к тому, что я постепенно потеряла связь со своими истинными чувствами, их стало труднее выразить. Я, знаящая так много слов, не могла найти подходящих, когда речь заходила обо мне самой. В то же время я отчаянно пыталась угодить другим – в надежде, что это поможет мне разгадать секретный код и стать, наконец, одной из всех. Так что я скрывала определенные черты своего характера в угоду компании, в которой оказывалась. Я притворялась, что мне нравятся поп-звезды, одежда и телепередачи, до которых мне не было дела, цепляясь в то же время за свой британский акцент как за спасительную соломинку, которая все еще возвращала настоящей мне все разрозненные части моей личности. Я чувствовала ярость и вину за то, что воспринимала как настоящее жульничество, но замыкалась в себе и постоянно переживала из-за бесчисленного множества вещей, которые делала не так.

В конце концов я дошла до той стадии, когда категорически отказалась возвращаться в школу. Мама попыталась убедить меня хотя бы закончить семестр, но я просто не могла это сделать. Я достигла той точки, когда во мне не осталось вообще никаких эмоциональных сил, и в итоге родители согласились забрать документы посреди моего третьего года учебы в той школе. Вскоре после этого я получила сти-

пендию в английской школе-интернате, где никто не посчитал бы, что мой акцент является чем-то выдающимся. В сентябре я вернулась на тот же год обучения, на каком должна была быть. Школа была скорее отдельного типа обучения, чем смешанного, что я посчитала менее отталкивающим.

Я, зная так много слов, не могла найти подходящих, когда речь заходила обо мне самой. И отчаянно пыталась угодить другим – в надежде, что это поможет мне разгадать секретный код и стать, наконец, одной из всех.

Из прошлого опыта я извлекла несколько весьма ценных уроков касательно того, как быть популярной. Я знала, что надо оставаться слегка в стороне и критически оценивать положение дел. С осторожностью, постепенно раскрывать какие-либо факты о себе. Нужно было раскусить остальных девчонок и оценить настрой в коллективе, прежде чем начать действовать.

С такими хитроумными планами я и пришла в свой первый день – новенькая тринадцати лет. Моя стратегия была весьма простой: распознать самую популярную девочку в параллели и сдружиться с ней. Я планировала наблюдать за ее манерой одеваться, говорить и укладывать волосы, а затем копировать ее действия. Это я и сделала. Сработало на ура.

В каком-то отношении это было весьма прямолинейно – этаким вопросом принятия правильных решений. Я покупала модные черные штаны в River Island. Я говорила, что мне

нравится Робби Уильямс из Take That. Я пила «Чинзано» прямо из бутылки, сидя на лавочке в парке, потому что, чтобы быть крутым, надо было быть пьяным. На последнем году обучения у меня появился парень, и мы с друзьями поехали в Алгарве, чтобы отметить сдачу экзаменов. Я впервые не спала так долго, что застала рассвет. На первый взгляд казалось, что я стала своей. Я была одной из «крутых».

После предыдущих провалов я, несомненно, лучше разбиралась в правилах игры. Я хорошо училась и нашла настоящих друзей. Я нравилась учителям. Однако школа мне все равно не нравилась. Меня раздражала злость, потому что я не контролировала собственную жизнь. Больше всего на свете я хотела повзрослеть и взять на себя ответственность за свое существование. Мне не терпелось наконец самой справляться со всеми делами, работать, жить в своей квартире, самостоятельно платить за ее аренду. Я с нетерпением ждала выпускного.

В четырнадцать я резко подросла, и люди часто начали говорить мне, что я выгляжу старше своих лет. Случались неловкие ситуации, когда я иногда приезжала к сестре в университет. Как-то раз мы пошли на официальный ужин с некоторыми из ее приятелей-выпускников, и я четко понимала, что не хочу ее опозорить. Я надела черное платье с белыми пуговицами на лицевой части (все тот же River Island, я и впрямь любила этот магазин). Примерно к середине ужина мне сказали, что один из мужчин запал на меня. Он по-

пытался завязать со мной беседу, сидя на другом конце стола. Я вежливо спросила, какую степень он получает; после нескольких реплик он спросил:

– Ну а ты чем сейчас занимаешься?

– У меня начался первый год подготовки к GCSE¹⁰.

Его нижняя губа задрожала, словно его ударили под дых. Продолжения беседы не последовало.

Подозреваю, что пытаюсь сказать следующее: по сути, я никогда и нигде не вписывалась полностью. Где-то я была слишком незрелой (до неприличия не от мира сего); где-то, наоборот, чересчур взрослой (на восемнадцатилетие я попросила в подарок верблюжье пальто до колен). Взрослые считали, что я способная, потому что на тот момент я уже была высокой, прилежно училась и хорошо себя вела. Но на самом деле я лишь пыталась во всем разобраться; я все еще едва знала саму себя. Я всегда чувствовала себя немного аутсайдером: в Ирландии – потому что говорила, как иностранка, в Англии – потому что выросла не здесь.

Моя стратегия была весьма простой: распознать самую популярную девочку в параллели и сблизиться с ней. Я планировала наблюдать за ее манерой одеваться, говорить и укладывать волосы, а затем копировать ее

¹⁰ General Certificate of Secondary Education – в Великобритании программа для учащихся 14–16 лет, завершающая обязательное среднее образование, и аттестат соответствующей квалификации. – *Прим. пер.*

действия. Это я и сделала. Сработало на ура.

Но от той школьной социальной катастрофы остались некоторые позитивные побочные эффекты. Я с ранних лет научилась наблюдать за поведением людей. Я начала слушать больше, чем говорить, – это очень полезный навык для писательницы. И из-за того, что я не сразу стала крутой, а была вынуждена притворяться таковой, мне хочется верить, что у меня могла бы быть степень по эмпатии по отношению к тем, кто всегда чувствовал себя не таким, как все. Когда я писала свой четвертый роман, «Вечеринка», я заложила свой собственный опыт девочки-стипендиатки, впервые оказавшейся в новом окружении, в главного героя, Мартина Гилмура.

На литературных ярмарках меня часто спрашивали, как мое воображение позволило мне создать образ такого мальчика-отщепенца. Вот вам правда: все основано на моих чувствах в определенный период времени. Эмоции были такими яркими, что я до сих пор их испытываю. (Однако стоит отметить, что Мартин едва ли не социопат, который грубо врывается в жизнь своего лучшего друга, что приводит к катастрофическим последствиям. На этом любое сходство между нами заканчивается.)

Любопытно, что многие из тех успешных людей, у которых я брала интервью для подкаста или в качестве журналиста, испытывали то же чувство отчужденности в школе. Я выяснила, что у огромного количества артистов – особен-

но комиков – родители были связаны с вооруженными силами, соответственно, семьи часто переезжали. Дети привыкли постоянно адаптироваться к новым условиям, и часто самым простым способом найти друзей оказывалось травить шуточки или становиться местным шутом. Легко достроить логическую цепочку и представить, что это сформировало их мастерство публичных выступлений. Дженнифер Сондерс, Дон Френч, Эд Эдмондсон, Джессика Альба и Кристина Агилера – все они из семей военных.

Еще, в каком-то смысле, неспособность влиться в коллектив заставляет тебя культивировать в себе независимость и жизнестойкость. Когда часто переезжаешь, постепенно при-выкаешь эффективно использовать собственные ресурсы. Если мы в чем-то похожи, вы тоже вечно пропадаете в мире рассказов и воображения и создаете богатые миры, которые уравнивают сложности внешней реальности.

Когда я в 2008-м проводила интервью с Клинтон Иствудом, в разговоре всплыло его детское воспоминание: отец, рабочий-металлург, в 1930-х годах ездил по Западному побережью США в поисках работы.

«Мне в какой-то степени было весьма одиноко, потому что никогда не удавалось отучиться в одной школе шесть-семь месяцев, все время надо было куда-то переезжать», – сказал Иствуд.

Рэпер Уиз Халифа тоже из семьи военнослужащих. Я беседовала с ним для *Elle* в 2015-м. Мы встретились в класси-

ческом для Лос-Анджелеса хип-хоп логове: белые стены, отличные ракурсы, тяжелые облака дыма, скрывающие вид на Голливудские холмы; там он рассказал мне, как переезжал с базы на базу каждые пару лет – Германия, Соединенное Королевство, Япония.

Постоянная роль новенького мальчика-«ботаника» сделала его «нервным», так что музыка стала его убежищем. «Я видел, что все вели себя уверенно, все друг друга знали, а я словно появился из ниоткуда. Это вообще не придавало спокойствия, – сказал он. – Но выпускать свою музыку – это просто способ стать лучшим в том, что было мне интересно».

Позже его увлечение музыкой переросло в карьеру, принесшую ему первые строчки чартов и состояние в 45 миллионов долларов.

Но не только детям военных приходилось непросто. Писатель Себастьян Фолкс сообщил, что «презирал» школу, в которую его отправили в возрасте восьми лет. Затем он пошел в Веллингтонский колледж, который пришелся ему «крайне не по душе».

«Это было травматично, без всяких сомнений, потому что мир, в котором ты вдруг оказываешься, просто никак не связан ни с одним другим миром, знакомым тебе, – сказал он. – Железные остовы кровати, странная одежда, непонятная еда, латынь, греческий, гимны... весь первый месяц каждый мой опыт был первым. Но в конце концов вроде как привыкаешь. И я помню, как в один из семестров даже не ездил

домой, потому что это словно приводило к вспышкам отвратительного самочувствия, как будто проще было вообще не уезжать. И я научился адаптироваться и не выделяться».

Актриса Кристина Хендрикс, известная по роли Джоан в телесериале «Безумцы», пережила травлю в школе. Когда я в 2014 году проводила с ней интервью для *Observer*, она рассказала, что, когда ей было тринадцать, ее семья переехала из штата Айдахо в Вирджинию из-за работы отца. Она ненавидела новую школу и чувствовала себя «выкорчеванной» и озлобленной на весь мир.

У огромного количества артистов – особенно комиков – родители были связаны с вооруженными силами, соответственно, семьи часто переезжали. Дети привыкли постоянно адаптироваться к новым условиям, и часто самым простым способом найти друзей оказывалось травить шуточки или становиться местным шутом.

Она носила сандалии и «хиппи-платья». И она удивилась, увидев остальных девочек в школе «с сумочками-клатчами в руках. Я сразу такая: “Ого, сумочки!” Потому что в моем понимании только мамы носили такие. Они были куда более утонченные, они занимались сексом, они красились – ничего этого в моей жизни не было».

С Хендрикс сразу начали обращаться иначе. «Наши шкафчики располагались в отдельном коридоре, и каждый

раз, когда я спускалась туда за книгами, сверху сидели люди, которые плевались в меня. Так что мне пришлось попросить, чтобы мой шкафчик переместили в другое место, потому что я просто не могла зайти туда... В старшей школе я чувствовала страх. Как в “Повелителе мух”. Все происходило примерно одинаково: кого-то одного колотят, а толпа вокруг ликует».

Хендрикс нашла себя в школьном театре. Актерство давало возможность высвободить ту бессильную ярость. Она стала готом – красила волосы в черный и фиолетовый, выбривала затылок, носила кожаные пиджаки и «мартенсы» до колен. По ее словам, одежда и в целом способность преображаться стали своего рода броней, защищающей от всего, что она переживала.

«Мои родители говорили: “Ты всех от себя отталкиваешь. Ты никогда не найдешь друзей с таким внешним видом”. А я просто отвечала: “Я не хочу, чтобы эти люди были моими друзьями. Я не собираюсь дружить с теми, кто бьет ребенка, пока остальные подзуживают. Я их ненавижу”».

Разумеется, мы знаем, какой поворот приняла эта история: страсть Хендрикс обернулась успешной карьерой, восторженными овациями, номинациями на «Эмми» и преданностью целого легиона фанатов, граничащей с одержимостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.